

Сегодня. — 1995. — 22 февр. — с. 10.

Даешь звукоорежа!

Эстрадное представление Hello, Broadway! на сцене Театра Оперетты. Дирижер, Эдвард Г. Робинсон. Оркестр — Российский филармонический. International show transfer и агентство «Ардани»

Юлия Бедерова

Посред началом бродвейского шоу с песнями из лучших спектаклей у входа в театр слышались возгласы: «Кому билетки на Голливуд?» И в сознании вспыхнули и перепутались советские мифы с американской мечтой, священные хлеба с лесами и дорогами, кошки, Бесс и мелкий бес с огромным «Суперстаром» Западной стороны. То, что зовется «настоящий мюзикл», в России видывали пару раз в кино. А еще несколько лет назад приезжали «Кошки». Так что полюбившаяся заглавная песенка Метопи (плюс воспоминания о Мирей Матье, которая ее пелава русской аудитории задолго до того, как та узнала о мюзиклах) смешалась с образом всего по-настоящему американского. Бродвей ли, Голливуд — от перемены ничего не меняется. Зато многое меняется от неудовлетворенных ожиданий. О том, что звезды Бродвея приезжают без всяческих постановочных атрибутов — без света, без театральных костюмов, без сюжетов, без тамошних звукоорежиссеров и просто режиссеров, — предупредили заранее. Но все же чего-то хотелось незабываемого. Чего у них есть, а у нас нет. Опять-та-

ки, Бродвея (Голливуда). Впрочем, первый в отличие от второго еще не успел надоесть.

Четыре звезды, образами и полюбиями воплощавшие два типа персонажей, две истории и предис-тории бродвейских постановок, две стороны одной медали-мюзикла-жанра — приблизительно до Гершвина и после — совсем не танцевали, а пели почти всегда великолепно, особенно Джуди Маклейн, эффектная брюнетка с низким сильным голосом, богатым обертонами и нюансами (она-то и спела всеми любимые Метопи и арию Магдалины из «Суперзвезды»). Романтическая блондинка Лори Гейл Стивенсон с нежным сопрано академической постановки и мягкий, добрый, большой и плавный тенор Крис Гроуендал были чудесным лирически любовным дуэтом в «Сцене на балконе» из «Вестсайдской истории» Бернштейна и в *Fantom of the opera* Э. Л. Уэббера. В конце уэбберовского дуэта даже поцеловались. Зал радостно затрепетал и захлопал в ладоши. Хотя какое-то движение на сцене, хоть капелька театра, хоть чуточка фантазии. Еще одна живая интонация возникла под конец последнего представления, когда бисировавший Рэй Уолкер (Иуда, он же Иисус) не нашел на сцене русских девушек бэк-вокалисток. Послышалась импровизация по всем партиям и выбежали американки, спаса-

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

КРИС ГРОУЕНДАЛ

проваливающийся бис. Спасли. И бис, и всю историю с Бродвейским концертом. И дело не в отсутствии спектаклей. Просто хороший режиссер эстрадного шоу здесь был бы очень кстати. И осветитель. И звукоорежиссер. Хотя бы. В Москве нью-йоркские звезды впервые пели с таким громадным оркестром (75 человек). Ура нам. Только его было совсем не слышно. Увы нам же. Лишь каша вместо тембров (в конце концов хоть Голливудом назови, хоть горшком, а струнные должны петь, дудки гудеть, бас — хотя бы быть и т. д.), ум-ца-ум-ца вместо ритмов, свинга, синкоп и одно расстройство вместо американской музыки. Внимаешь и понимаешь, как оно должно быть. Даже получаешь удовольствие за неимением большего. А в следующий раз (говорят, нам в скорости покажут несколько полных мюзиклов), пожалуйста, привезите звукоорежа. Пусть без костюма, без света. Можно даже оркестр поменьше. Все-таки ведь мю-ю-ю-мюзикл. И хочется, чтоб звучало.